

Невская Тамара Николаевна

Наша семья росла, дом стал тесноват, да и обветшал он, потому родители решили построить рядом новый. Сруб уже красовался рядом со старой избой...

Все планы нарушила война. В огороде вырыли яму, чтобы прятаться на случай бомбежек или обстрелов. Опасались, что немцы могут дойти и до Фурманова.

В сентябре появился на свет мой младший братишка. Помню, как на лошади ездили за ним в роддом. А в конце ноября или начале декабря отца призвали в армию. Мама рассказывала, что сбор новобранцев назначили на поздний час, когда уже стемнело. Папа взял меня на руки, крепко прижал к себе, сказал: «Живите дружно, помогайте матери, я вас всех очень люблю и скоро вернусь». Скоро... Мама со старшими - Ниной и Юрой - пошли провожать отца к военкомату, а меня оставили дома с грудничком Сашей - нянчиться с ним, и с трёхлетним Лёвой. Перед уходом уложили малыша спать в подвешенную на пружине к потолку плетёную зыбку, к ней верёвкой привязали мою ногу. Если малец заплачет, я сразу - качать люльку, не вставая с постели. Помню, в ту ночь я проснулась и обнаружила, что отца дома нет. Заревела и всех спрашивала, когда он придёт. Успокаивала старшая сестра: «Идёт война, многих пап взяли. Наш вернётся». Осознав, что папа уехал надолго, заплакала, снова: кто же станет приносить мне гостинцы?

Папа сразу попал под Сталинград. А вскоре пришло извещение: пропал без вести. Вернувшийся после войны призывавшийся вместе с отцом фурмановчанин Голубев, имени его на помню, рассказал, что видел отца на берегу Волги во время бомбежки, началась **мясорубка**, и отец, видимо, тогда и погиб, в 42-м году. Но похоронок так и не пришло...

Мама осталась с нами одна. Поначалу в доме были запасы муки, гороха. А когда они закончились, мама сполна хлебнула горя, чтобы прокормить себя и пять детских ртов. Ей пришлось много работать и творить из ничего «чудеса» на кухне. Два самовара обменяла в деревне на муку и картошку. Весной и осенью мы ходили на поля подбирать оставшийся на земле после уборки горох. Его было немало, поэтому ходили с корзиночками. Всё, что набирали, приносили домой. Муж маминой племянницы, Михаил Евграфов, устроил нашего старшего брата Юру работать на мельнице в Пучеже. Тот иногда с оказией переправлял нам муку.

На огороде работали все, кроме самых маленьких. Мне выделили маленькую лопатку и небольшую грядку. Содержать нашу лошадку мы не могли - и отдали её другу отца. Он савраску кормил, поил, отправлял на выпас, а мы иногда пользовались ее помощью.

Заниматься детьми времени у мамы не оставалось. Потому старшие заботились о младших. Нина – о Юре и обо мне, а я для Лёвы и Саши часто становилась нянькой. Юра дружил с мальчиком, у которого родители работали на хлебозаводе и иногда давали братику хлеба. И тот всегда приносил подарок домой, чтобы хоть понемногу, но досталось и нам. Нина научила всех нас, кто младше, плавать, мастерила для нас кукол, а Юра – кровати для них. Мама шила нам почти всю одежду – шаровары, рубашки, кофты, научила этому и нас. От неё мы переняли и искусство вязания. С тех пор ношу самовязанные шапки, шарфы. Что и как делать на огороде, переняли тоже у неё.

Помнится, как я ездила за младшеньким в детский садик. Посажу его в санки, тащу за собой. Тогда умельцы делали санки из дерева, полозья обивали железом. Они намного тяжелее нынешних алюминиевых. Довезу брата до железной дороги, высажу, перетащу санки через рельсы, возвращаюсь за Сашей, переведу его, снова усажу в санки, везу – и плачу: сил нет как тяжело. Зимой с мамой ездили в лес за дровами. Ну, как за дровами? За хворостом. Мама собирала, а я сидела в санях, ждала её.

В первый класс пошла в восемь лет, в 1943 году. Первую нашу учительницу призвали на фронт. Больше мы её не видели, про судьбу её ничего не узнали...

Зимой в школе сидели одетыми - из-за холода. Иногда даже чернила замерзали. Печка, конечно, была, но дров не хватало. За неимением тетрадей писали в старых книгах между строчек. В нашем доме книг не было, и я выменяла одну у подруги на тайком взятый дома горох. Когда мама об этом узнала, заставила книгу вернуть. Горох, конечно, нам не отдали, соседи его быстро съели...

Обычная тогда для большинства многодетных семей «норма» - носить друг за другом одежду и обувь, перешивать взрослое на детское. Если же удавалось купить или что-то выменять для ребенка, то брали обязательно на вырост. Обувки не хватало. мы с братом носили одну пару сапог по очереди, - хорошо, что учились в разных сменах. Но если я по какой-то причине после уроков задерживалась, братик Лёва в школу уже не попадал или опаздывал.

Самое сильное воспоминание о школе той поры: сидишь на уроке, а думаешь о том, когда же откроется дверь, и техничка принесёт на подносе кусочки чёрного хлеба. Учительница говорила: «Во время урока не кушать, положите в парту». А есть-то хочется! Потихоньку отщипывали, незаметно клали в рот. И к концу урока ни у кого не оставалось ни крошки.

Мама нас иногда баловала: купит карамелек в виде подушечек, выдаст по две штуки. Для меня это главное лакомство военных лет.

Однажды случилось несчастье — нашу Марусю, козу-кормилицу, украли прямо с поля, где она паслась. Мама об этом узнала, едва придя с фабрики, и сразу же отправилась искать пропажу. В первой же деревне ей сказали, что видели мужчину, который вёл козу точно такую, как наша. Вот и шла мама от деревни к деревне. После рабочего дня усталость валила с ног, но мысль, чем же придется кормить детей, заставляла продолжать розыски. Дошла аж до Плёса, а это почти 30 километров от Фурманова, где и нашлась наша кормилицу, привела домой.